

В. Иванов

Николай Энгельгардтъ

8 P1
Э 63

ИСТОРИЯ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1945

ХІХ СТОЛѢТІЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ

1850—1900

(КРИТИКА, РОМАНЪ, ПОЭЗІЯ И ДРАМА)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

СИНХРОНИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ, ХРОНОЛОГИИ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОЛНОЙ ВИБЛИОГРАФИИ
И АЛФАВИТНАГО УКАЗАТЕЛЯ КЪ ОБОИМЪ ТОМАМЪ.

Оренбургская
областная библиотека
абонемент № _____

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1903

66547 ПРОВЕРЕНО 1938 г.

0

Оренбургского губернского училища
КНИГА № _____

ПРОВЕРЕНО
1886

2 р 50

изслѣдованіяхъ своихъ не замѣчаютъ даже, существуетъ ли вѣра христіанская, а сами, съ помощью одного только ума, дерзновенно мечтаютъ познать начало». Хотя «приняты дѣятельныя мѣры къ наблюденію за духомъ и направленіемъ преподаванія», «сама наука по шаткости своихъ началъ», «всегда представляетъ случаи къ поползновенію». Князь признавалъ поэтому необходимымъ «изъять» изъ преподаванія философіи теорію познанія, метафизику и нравственную философію; послѣднюю «по практической бесполезности ея для молодыхъ людей, ознакомленныхъ съ нравоученіемъ христіанскимъ». Докладъ одобренъ и повелѣно читать одну логику и психологію, при чемъ соединить каѳедру философіи и богословія.

Это распоряженіе лишило каѳедры въ московскомъ университетѣ Каткова. Въ это время въ Москву пріѣхала балерина Фанни Эльслеръ. Какъ-то разъ поклонники запряглись въ ея карету. На козлахъ же помѣстился редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ. За это его лишили мѣста редактора и передали его съ 1851 года Каткову. Благодаря этой случайности онъ вступилъ на поприще публициста²⁾.

§ 2. Послѣ того, какъ въ университетахъ былъ угашенъ «западный свѣтъ» философіи, угасили и «свѣтъ восточный» въ лицѣ «славянофиловъ».

А. И. Кошелевъ предложилъ И. С. Аксакову приступить къ продолженію изданія Московскаго Сборника, обезпечивая изданіе своими средствами. 26 ноября 1851 г. И. С. Аксаковъ писалъ объ этомъ И. С. Тургеневу, сообщая, что «на общемъ совѣтѣ теперь рѣшено» «расширить кругъ сотрудниковъ»; «Грановскій также участвуетъ и уже пишетъ статью. Братъ и я просимъ васъ, прислать непременно что-нибудь для нашего Сборника»³⁾.

21 апрѣля 1852 года появился первый томъ Московскаго Сборника, задуманный въ четырехъ томахъ.

Вотъ его содержаніе: 1) Нѣсколько словъ о Гоголѣ. 2) О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи (письмо къ графу Е. Е. Комаровскому), И. В. Кирѣевскаго; 3) О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ), К. С. Аксакова. 4) Мы родъ избранный, стихотвореніе А. С. Хомякова. 5) Могучимъ юности призывомъ, стихотвореніе И. С. Аксакова. 6) Поѣздка русскаго землевладѣльца въ Англію на всемірную выставку, А. И. Кошелева. 7) Псковъ и Ливонія, С. М. Соловьева. 8) Русскія народныя пѣсни (изъ приготовленнаго къ изданію собранія П. В. Кирѣевскаго), съ предисловіемъ А. С. Хомякова. 9) Служилые люди въ Московскомъ Государствѣ, И. Д. Бѣляева. 10) Отрывокъ изъ первой части Бродяги, И. С. Аксакова.

²⁾ Н. А. Любимовъ. Статья о Катковѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1888 г., № 1, стр. 44.

³⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга двѣнадцатая, стр. 110.

На первый томъ Московскаго Сборника обратилъ особенное вниманіе министръ Народнаго Просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій — Шихматовъ. Онъ тотчасъ же по выходѣ его въ свѣтъ разсмотрѣлъ содержаніе его подробно и сдѣлалъ замѣчанія, которыхъ результатъ, 19 мая 1852 г., представилъ государю, пребывавшему въ то время въ Варшавѣ.

А. В. Никитенко, подъ 28 апрѣля 1852 года, записалъ въ своемъ Дневникѣ: «Въ Москвѣ опять переполохъ. Тамъ изданъ Сборникъ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, въ которомъ, говорятъ, напечатаны очень сильныя вещи... О сборникѣ уже много толкуютъ въ публикѣ. Тучи собираются: быть грозѣ. А кто виноватъ?»

Дѣйствительно, виноваты были «безпокойные» люди, которые вмѣсто того, чтобы мирно получать оброки съ крестьянъ и ставить «благородные спектакли», «мыслили, всему хотѣли знать корень—причину».

Въ своемъ докладѣ министръ просвѣщенія обращалъ вниманіе прежде всего на «безотчетное расточеніе, выходящихъ изъ всякой мѣры, похвалъ Гоголю», на то, что И. Кирѣевскій «утверждаетъ, что западное Просвѣщеніе не соотвѣтствуетъ пользамъ Россіи; что у нея были особенныя начала Просвѣщенія, не оцѣненные Европейскимъ умомъ, которыми она жила прежде»... «Явно, что въ этой, повидимому, благонамѣренной статьѣ, онъ не отдаетъ должной справедливости безсмертнымъ заслугамъ великаго преобразователя Россіи и державныхъ его преемниковъ, которые не падали трудовъ и издержекъ для усвоенія намъ образованности Запада».

Относительно статьи К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ» Ширинскій писалъ: Авторъ «утверждаетъ, что въ древней Руси было общинное устройство или общинный бытъ; другими словами, въ ней преобладало начало демократическое. По мнѣнію К. Аксакова, примѣръ такого быта можно видѣть въ Новгородскомъ вѣчевомъ управленіи, а въ наше время онъ сохранился въ сходкѣ крестьянъ. Хотя съ одной стороны, эта статья имѣетъ форму историческаго изысканія, а съ другой—сухостью изложенія и длиннотою, отталкиваетъ отъ себя любителей легкаго чтенія, не менѣе того, она заслуживаетъ вниманія цензуры, какъ по новости взгляда на предметъ, давно уже обсуженный, такъ и по распространившемуся демократическому направленію общественнаго мнѣнія въ иностранныхъ государствахъ, отъ котораго мы должны ограждать себя всеми возможными мѣрами. По моему убѣжденію, — заявляетъ знатокъ философскихъ наукъ, — демократическое начало было вообще чуждо древнему Рускому быту, и общинное устройство въ Новгородѣ и Псковѣ, безъ сомнѣнія, приписать должно разнымъ торговымъ сношеніемъ ихъ съ Нѣмцами».

Съ своей стороны, и предсѣдатель негласнаго комитета генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ обратилъ особенное вниманіе на «примѣчательную статью» К. С. Аксакова. Комитетъ по разсмотрѣніи нашель, что «открытіе

исторической истины тогда только получаетъ практическую свою пользу и перестаетъ быть одной суетною игрою ума, когда, вмѣстѣ съ этою истиною, открываются и ея послѣдствія». «Если неоспоримо, что до Татарскаго періода въ устройствѣ Славянскихъ общинъ, господствовало нѣкоторое начало народнаго правленія и на примѣръ, въ удѣлахъ нерѣдко народъ призывалъ князей къ себѣ на княженіе, и даже изгонялъ ихъ, слѣдовательно, изысканія автора въ семъ отношеніи не отклоняются отъ исторической истины, но неоспоримо, однакоже, и то, что по сверженіи Монгольскаго ига, указавшаго горькимъ опытомъ, какихъ послѣдствій ожидать должно отъ своевольства и безначалія, въ жизни Русскаго народа постепенно возникало совсѣмъ другое начало, именно начало единовластія и неограниченнаго самодержавія, утвержденное потомъ могучею рукою Петра Великаго, на началахъ Европейской государственной жизни. Слѣдственно, Аксакову надлежало указать, съ тѣмъ же неоспоримымъ его талантомъ, и всѣ помянутые перевороты, приведшіе насъ къ нынѣшнему порядку вещей—единственной основѣ покоя и благоденствія Россіи. Но онъ не дорисовалъ своей картины... Безъ объясненія перехода обновленной Россіи къ другимъ понятіямъ и къ другимъ формамъ, статья Аксакова, по мнѣнію Комитета, не слѣдовала быть допущена къ напечатанію не только въ литературномъ Сборникѣ, но даже въ изданіи специально посвященномъ ученой цѣли».

Комитетъ, слѣдовательно, требовалъ отъ К. С. Аксакова, чтобы онъ отказался отъ самой сути воззрѣній славянофильской доктрины и принялъ совершенно противоположный ей взглядъ, такъ сказать «официальнаго западничества». А министръ по вопросу о народности не нашелъ у Аксакова народности «официальной».

Разсмотрѣвъ Московскій Сборникъ «отъ доски до доски», князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ пришелъ къ такому заключенію: «Когда я кончилъ разсмотрѣніе цѣлой книги, мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія... Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное, иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ. Повергая все сіе на благоразсмотрѣніе... считаю долгомъ донести, что мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) цензору, статскому совѣтнику князю Львову, разсматривавшему первый томъ Московскаго Сборника, за необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ... 2) Я обратилъ вниманіе... на собранія сочиненій разныхъ писателей, извѣстныя у насъ подъ названіемъ Сборниковъ... эти изданія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ журналы, представляютъ ту же удобность развивать и распространять между читателями одну или нѣ-

сколько главныхъ идей, съ сохраненіемъ, при видимомъ разнообразіи статей своего содержанія, постояннаго направленія... Возможность злоупотребленія со стороны неблагонамѣренныхъ издателей здѣсь очевидна... 3) Признавая необходимымъ, и съ своей стороны, за сборниками имѣть самый бдительный надзоръ, я предложилъ... по мѣрѣ разсмотрѣнія... предполагаемыхъ къ изданію остальныхъ трехъ томовъ Московскаго Сборника, представлять ихъ въ рукописи и т. д.»⁴⁾.

Надо замѣтить, что эти «Сборники» только что появились и всего въ двухъ изданіяхъ—сначала «Петербургскій», потомъ «Московскій». Ихъ не было даже въ такомъ количествѣ, какъ альманаховъ въ 20-хъ годахъ. А Ширинскій такъ пишетъ, словно «Сборники» наводнили книжный рынокъ.

§ 3. Не смотря на зловѣщіе признаки, И. С. Аксаковъ сдѣлалъ въ московскій цензурный комитетъ и второй томъ Московскаго Сборника. Между тѣмъ, еще 14 іюля 1852 г. Л. В. Дубельтъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: «Съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ Общество Славянофиловъ; цѣль этихъ людей состоитъ въ томъ, дабы сдѣлать переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иностраннымъ западнымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; хотя секретное наблюденіе за членами сего Общества не обнаружило до сего времени ничего положительно вреднаго, но какъ Общество это, подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ, легко можетъ получить вредное политическое направленіе, и какъ члены онаго большею частью литераторы», то московскій военный генераль-губернаторъ «признавалъ совершенно необходимымъ кромѣ личнаго за ними надзора, обратить особенное вниманіе цензуры на ихъ сочиненія». При семъ прилагалась «копія списка славянофиламъ», сохраненная княземъ П. А. Вяземскимъ въ «Старой Записной Книжкѣ». Въ списокъ попалъ, между прочимъ, и западникъ Чаадаевъ.

Относительно «общаго духа и направленія» второго тома Московскаго Сборника московскій цензурный комитетъ находилъ, что и духъ, и направленіе «тѣ-же самые, какіе были замѣчены и обратили на себя вниманіе правительства и въ первомъ томѣ». Получивъ это «донесеніе», князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ обратился къ московскому попечителю съ запросомъ: «Какіе имѣютъ званіе и чины К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, И. Д. Бѣляевъ, П. В. Кирѣевскій, П. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ и А. С. Хомяковъ?» Попечитель отвѣчалъ: «1) Издатель Сборника — отставной надворный совѣтникъ П. С. Аксаковъ. 2) Братъ его К. С. Аксаковъ, также

⁴⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга двѣнадцатая, стр. 112, 114, 118, 120, 130, 131, 132.

не служащій. Имѣютъ очень хорошее состояніе. 3) Иванъ и 4) братъ его Петръ Васильевичи Кирѣевскіе имѣютъ достаточное состояніе въ Тульской и Орловской губерніяхъ; изъ нихъ Петръ въ отставкѣ, а Иванъ служитъ почетнымъ смотрителемъ бѣлевскаго уѣзднаго училища. 5) А. И. Кошелевъ—отставной надворный совѣтникъ, имѣетъ до четырехъ тысячъ душъ крестьянъ въ Рязанской губерніи и домъ въ Москвѣ. 6) А. С. Хомяковъ, служившій въ военной службѣ,—кажется въ чинѣ маіора, имѣетъ до трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ Тульской губерніи. 7) Коллежскій ассесоръ, И. Д. Бѣляевъ служитъ совѣтникомъ въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ».

Одновременно третье отдѣленіе потребовало къ себѣ рукопись второго тома Московскаго Сборника. По разсмотрѣніи 23 января 1853 года, А. В. Дубельтъ довелъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующее: «Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенные во второмъ томѣ Московскаго Сборника, я нахожу, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ Русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ, и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра; что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ - то: Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало... они, даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію таковаго вреднаго образа мыслей, и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1) Второй томъ Московскаго Сборника вполне запретить. 2) Равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого Сборника. 3) Редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій. 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія. 5) Всѣхъ ихъ, какъ людей открыто неблагонамѣренныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору»⁵⁾.

Постановленіе это оставалось въ силѣ до конца царствованія императора Николая I-го.

Угашеніе «западнаго свѣта» и «восточнаго свѣта» сопровождалось цензурнымъ терроромъ, при которомъ не могъ угодить даже Ѳаддей Вене-

⁵⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга двѣнадцатая, стр. 133, 134, 145.

Вождемъ движенія 50-хъ годовъ былъ несомнѣнно Герценъ и «Колоколъ» — заграничный органъ. Затѣмъ въ Петербургѣ «Современникъ» съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ — органъ радикальный, дѣйствовавшій въ молчаливомъ соглашеніи съ «Колоколомъ». Затѣмъ шла уже Москва съ умѣренно — либеральнымъ постепеновцемъ «Русскимъ Вѣстникомъ», выступавшимъ осторожной, крадущейся походочкой. Сзади всѣхъ шла «Русская Бесѣда» славянофиловъ, не измѣнявшая «аннибаловой клятвы», но никакого успѣха со своимъ «восточнымъ свѣтомъ» не имѣвшая. Вся эта шеренга, — лѣвымъ флангомъ впередъ наступала, пока не перевалила роковой рубежъ 19 февраля 1861 года. Затѣмъ значеніе «Колокола» стало падать. Добролюбовъ и Чернышевскій выбыли изъ строя и значеніе «Современника» умалилось. Въ «Русскомъ Словѣ» началъ Писаревъ, но его радикализмъ принялъ мальчишескій характеръ. 1863 годъ создалъ успѣхъ Каткова, и онъ явился тѣмъ Катковымъ, который извѣстенъ въ литературѣ — націоналистомъ — государственнымъ. Славянофилы съ своими журналами безъ подписчиковъ сидѣли (по выраженію Каткова) въ положеніи чловѣка, собравшагося чихнуть и все не чихающаго. Въ 1868 году преобразуются «Отечественныя Записки» во главѣ съ Щедринымъ и сразу роли распредѣляются. Во главѣ консервативной печати «Русскій Вѣстникъ». Во главѣ либеральной печати «Отеч. Записки».

§ 10. 23 февраля 1855 г. А. И. Кошелевъ и Т. И. Филиповъ «вошли съ прошеніемъ» о разрѣшеніи имъ съ 1856 года издавать въ Москвѣ журналъ, подъ заглавіемъ «Русская Бесѣда».

«Народность, по убѣжденію издателей, есть необходимая почва для самобытнаго и полного развитія всякаго народа, а потому они полагаютъ главною цѣлью своего журнала: изученіе Русской жизни въ Исторіи и въ настоящемъ быту... они убѣждены въ необходимости для Русскихъ оживляться въ струѣ Русскаго духа, высказываемаго Исторіею, великими событіями нашего времени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа».

«Основное начало мнѣній, распространенію коихъ посвящается сей журналъ, есть Православіе. Оно душа всей Русской жизни; оно же должно опредѣлить характеръ всякой умственной дѣятельности въ нашей родинѣ: таково убѣжденіе издателей».

«Т. Н. Грановскій, за три дня до своей кончины, 2 октября 1855 года, писалъ К. Д. Кавелину: «Я до смерти радъ, что Славянофилы затѣяли журналъ. Капиталь дасть Кошелевъ. Отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Филиповъ; критикомъ литературныхъ произведеній будетъ Григорьевъ».

27 января 1856 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на то, чтобы сочиненія ональныхъ славянофиловъ разсматривать обыкновеннымъ цензурнымъ порядкомъ. 3 февраля была разрѣшена «Русская Бесѣда».

«Русская Бесѣда» провозгласила необходимость и возможность новыхъ началъ для философіи; она ратовала за народность въ наукѣ и русское воззрѣніе; отстаивала русскую сельскую общину; выразила несочувствіе къ писателямъ натуральной школы, возстала, нѣсколько поздно, потому что увлеченіе этой писательницей уже проходило, противъ Жоржъ-Зандъ.

«Мы, — писалъ Самаринъ, — только тогда достигнемъ умственной самостоятельности, когда мысль наша найдетъ своенародную Русскую точку зрѣнія».

Въ лицѣ М. Н. Каткова и Б. Н. Чичерина противъ этого возсталъ «Русскій Вѣстникъ» и утверждалъ, что въ наукѣ имѣетъ цѣну только «общечеловѣческое воззрѣніе, а не народное».

К. С. Аксаковъ писалъ:

«Недавно одно выраженіе, употребленное въ объявленіи о Русской Бесѣдѣ, подало поводъ къ нападѣніямъ и толкамъ. Выраженіе это — Русское воззрѣніе... слышались возраженія такого рода: «Воззрѣніе должно быть общечеловѣческое! Какой смыслъ можетъ имѣть Русское воззрѣніе?» Но неужели можно было думать, что въ программѣ Русской Бесѣды предполагалось такое Русское воззрѣніе, которое не будетъ въ то же время общечеловѣческимъ?»

«Тогда только и является произведеніе литературы, или другое какое, вполне общечеловѣческимъ, когда оно въ то же время совершенно народно».

Во второй книгѣ Русской Бесѣды, было напечатано посмертное сочиненіе П. В. Кирѣевскаго: «О необходимости новыхъ началъ для философіи».

«Оно содержитъ, — писалъ Хомяковъ, — критику историческаго движенія философской науки; слѣдующая часть должна была заключать въ себѣ догматическое построеніе новыхъ для нея началъ. Таково было намѣреніе автора, таковы были наши надежды; но Богъ судилъ иначе».

Въ Русскомъ Вѣстникѣ появилась статья Б. Н. Чичерина: О сельской общинѣ въ Россіи. Онъ утверждалъ, что наша община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная, вытекла изъ прикрѣпленія и изъ разложенія податей по душамъ. Противъ Чичерина въ Русской Бесѣдѣ выступилъ И. Д. Бѣляевъ. Онъ доказывалъ, что община — вытекла изъ самой души и жизни народной.

«Современникъ» о «Русской Бесѣдѣ» писалъ такъ: «Всѣ статьи, сколько нибудъ выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна не могла бы быть напечатана ни въ Русскомъ Вѣстникѣ, ни въ Отеч. Зап., ни въ Современникѣ... И, однако-же, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе Русской Бесѣдѣ, желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія... Разногласіе между убѣжденіями Славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть Русская Бесѣда, и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ еще

болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники сходятся совершенно, мы въ томъ убѣждены; мы хотимъ свѣта и правды—Русская Бесѣда такъ-же; мы, помѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго—Р. Б. такъ же и т. д».

Въ первой-же книгѣ Р. Б. на 1856 годъ появился разборъ драмы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется», написанный Т. И. Филиповымъ.

Критикъ по романамъ Жоржъ-Зандъ обличаетъ западное воззрѣніе на семейныя отношенія: «Самымъ полнѣйшимъ образомъ выражены понятія Жоржъ-Зандъ о любви въ ея знаменитомъ романѣ Лукреція Флоріани... Что же такое Лукреція Флоріани? Это есть мать четверыхъ дѣтей отъ различныхъ и живыхъ еще отцовъ и т. д.».

Т. И. Филиповъ обращается затѣмъ къ русской пѣснѣ. Сестра жалуется брату:

У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина;
Какъ первое горе—свекоръ-то бранчивый;
А второе горе—свекры ворчаливы,
Какъ третіе горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любитъ.

Что-же отвѣчаетъ братъ? «Сохраняя полную ясность невозмущеннаго ума», онъ, обозрѣвъ ея положеніе и посовѣтовалъ трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!

Взрывъ журнальнаго негодованія встрѣтилъ лицемѣрную статейку Филипова. Еще большее неудовольствіе навлекла безтактная и недоброжелательная статейка нѣкоего В. В. Григорьева (не должно смѣшивать его съ критикомъ Аполлономъ Григорьевымъ) о Грановскомъ. Московскіе студенты въ Татьянинъ день на обѣдѣ кричали: Pereat Grigorieff! Шевыревъ удивлялся, какъ могла «Бесѣда» напечатать грязный пасквиль на человѣка, только что сошедшаго въ могилу и свѣтлый образъ котораго благоговѣнно чтился всей просвѣщенной Россіей. Такъ каждой почти статьѣй «Бесѣда» роняла себя во мнѣніи русскаго общества и въ литературныхъ преданіяхъ осталась, какъ символъ заплѣсневѣлой отсталости, мертвой византійщины и лицемѣрія, хотя въ ней и писали многіе весьма замѣчательные умы. Вообще, славянофилы не имѣли никакого успѣха. Въ этомъ отношеніи весьма характерны показанія Ивана Сергѣевича Аксакова.

«Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько—нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназій въ губернскихъ городахъ, которые-бы не знали наизусть письма Бѣлинскаго

къ Гоголю... Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны — взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ; помѣщиковъ, презирающихъ идеаловъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора съ идеями гуманными».

«...И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ... ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго. О славянофильствѣ здѣсь въ провинціи и слыхомъ не слыхать... получается «Русскій Вѣстникъ» и другіе журналы. Въ нихъ слышится направленіе новое, требованіе просвѣщенія, жизни, простора; ему сочувствуютъ съ жаромъ»: (Письма И. С. Аксакова).

Славянофилы пытались издавать и газету. Еженедѣльная «Молва» вся почти наполнялась статьями Константина С. Аксакова.

Аксаковъ, однако, проклиналъ Молву. Хотя подписка шла хорошо, но вражда журналовъ его разстраивала. Скоро и цензуру переполошили его передовыя статьи. Прекратила газету статья его «Опытъ Синонимовъ — Публика — Народъ». «Было время, когда у насъ не было публики, писалъ Аксаковъ. Возможно-ли это? — скажутъ мнѣ. Очень возможно и совершенно вѣрно: у насъ не было публики, а былъ народъ. Это было еще до построения Петербурга...»

«Публика выписываетъ изъ-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народъ черпаетъ жизнь изъ родного источника. Публика говоритъ по-французски, народъ по-русски. Публика ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, народъ — въ русскомъ... Публика, впередъ! народъ, назадъ! такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хожалый».

Государь на докладѣ объ этой статьѣ начерталъ: «Статья эта мнѣ известна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ смыслѣ. Объявить редакціи Молвы, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнутся строгому взысканію»²²⁾.

«Молва» скоро и была запрещена.

§ 11. Нарождалось новое «литературное племя». Остатки «олигархій» пушкинскихъ временъ, старые арзамасцы, кружокъ Плетнева — все это отживало и заживо становилось исторіей. 7 іюля 1855 г. въ Вологдѣ

²²⁾ Барсуковъ, Погодинъ. Книга пятнадцатая, стр. 285.

тяться. Фигуры Лизы и Лаврецкаго написаны Тургеневымъ въ легкомъ, полупрозрачномъ тонѣ, который не даетъ усмотрѣть и распознать тотчасъ же ихъ лица, и свойственное имъ выраженіе. Мѣсто сильныхъ красокъ жизни замѣнено тутъ безчисленными и тончайшими чертами; каждая изъ нихъ отвѣчаетъ какой-либо тайной сторонѣ ихъ существованія, и каждая будитъ въ душѣ читателя множество личныхъ воспоминаній, множество знакомыхъ и родныхъ уму ощущеній. Удивительное обаяніе, производимое героями, зиждется именно на обилии, выразительности и значеніи этихъ подробностей.

Заключая свой разборъ романа, Анненковъ строитъ такой выводъ:

«Настроеніе, родившее всѣ прежніе романы Тургенева, исчерпано послѣднимъ «Дворянскимъ гнѣздомъ», кажется намъ до капли. «Дворянскимъ гнѣздомъ» авторъ завершилъ всѣ старыя свои представленія, всѣ образы, тревожившіе душу его въ теченіи многихъ лѣтъ: онъ возвелъ ихъ, наконецъ, до полного выраженія и тѣмъ самымъ простился съ ними навсегда. Таково обычное дѣйствіе мастерскихъ произведеній на самого писателя»⁶⁸).

БИБЛИОГРАФІЯ: Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество. Спб. 96 г.—С. Венгеровъ. И. С. Т—евъ. Критико-біографич. этюдъ. 2 ч. Спб. 75 г.—Письма: Первое собраніе писемъ 1840—1884 г. Изд. общ. для пособ. нужд. литер. и учен. Спб. 1885. Стр. 564. — Неизданныя письма къ Віардо, Флоберу, Зола и др. Съ пред. Гальперинъ-Каменскаго. Перев. съ франц. М. 1900 г.—Переписка съ Анненковымъ (1856—62, 1871—83 г.г.). В. Е. 85 г. № 3, 4. Р. Об. 98 г. 3, 4, 5; съ В. Стасовымъ. С. В. 88 г. 10; съ Милютиными (1867—1875 г.г.). Р. Ст. 84 г. № 1; съ А. О. Писемскимъ. Новь. 86 г. № 2, 3; съ братомъ Н. С. Тургеневымъ (1863—78 г.г.). Р. Ст. 85 г. № 8, 10, 12; 86 г. № 3; съ Аксаковыми (1852—1857). В. Е. 94 г. № 1, 2; съ С. К. Брюловой (1871—1877). Р. М. 97 г. № 6; съ К. Н. Леонтьевымъ. Р. М. 86 г. № 11; съ А. В. Топоровымъ (1882—1883 г.г.). Р. Ст. 83 г. Къ Е. П. Ковалевскому (1858—1863 г.г.). Р. Ст. 84 г.; къ Фр. Боденштету. Р. Ст. 87 г.; съ одной петербургской дамой (1874—1880). Р. Ст. 1883 г. — Оцѣнка произведеній 50-хъ годовъ: Зелинскій. Собраніе критич. матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ I-й. Изд. 3-е М. 1899 г.

§ 3. «30-го апрѣля 1859 г., въ 3-мъ часу пополудни скончался патриархъ нашей литературы, Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ». Такъ писали въ некрологахъ.

С. Т. Аксаковъ родился въ Уфѣ, 20-го сентября 1791 года. Въ концѣ 1799 г. онъ поступилъ въ казанскую гимназію и оттуда перешелъ въ ка

⁶⁸) «Русскій Вѣстникъ», 1859, № 16. Собраніе статей. Отдѣлъ второй. стр. 221.

занскій университетъ, при самомъ его основаніи, въ концѣ 1804 года. Окончивъ курсъ въ 1807 году, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и служилъ до 1812 года въ комиссіи составленія законовъ. Съ 1812 по 1826 г. онъ жилъ въ оренбургской деревнѣ, а съ 1826 г. сдѣлался постояннымъ московскимъ жителемъ. Здѣсь, въ Москвѣ прожилъ онъ свыше тридцати лѣтъ. Около него поднялись его сыновья, славянофилы Иванъ и Константинъ Аксаковы. Другъ Гоголя, онъ пережилъ и его.

Въ юности С. Т. занималъ больше всего театръ. Въ 1815 г. онъ перевелъ «Филоктета» трагедію Лагарна, переводилъ Мольера, писалъ о театрѣ и вращался въ кружкѣ Шаховскаго, Загоскина, Кокошкина, водевилиста Писарева. Вплоть до 40-хъ годовъ ничто не предвѣщало въ немъ истиннаго художника, эпическаго повѣствователя-мастера. Однако Гоголь восхищался отрывками его «хроники» въ рукописи. Начало «Семейной хроники» помѣщено въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 г. и обратило на себя вниманіе знатоковъ. Въ 1847 г. вышли его «Записки объ уженъи рыбы»; описанія природы и прелесть художественнаго разсказа поразили читателя. Въ 1854 и 1856 г.г. явились новыя изданія книги.

Въ 1852 г. вышли «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи».

«Мы поздравляемъ, писалъ въ Современникѣ П. С. Тургеневъ, Русскую литературу и читателей нашихъ съ появленіемъ этихъ Записокъ. Кому еще не знакомо новое сочиненіе С. Т. Аксакова, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени оно занимательно, какою обаятельною свѣжестью вѣетъ отъ его страницъ. Да не подумаютъ читатели, что Записки ружейнаго охотника имѣютъ цѣну для однихъ охотниковъ: всякій, кто только любитъ природу, всякій, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, не оторвется отъ сочиненія Аксакова: оно станетъ его настольною книгой, онъ будетъ ее съ наслажденіемъ читать и перечитывать; естествоиспытатель прійдетъ отъ нея въ восторгъ... Эту книгу нельзя читать безъ какого-то отраднаго, яснаго и полнаго ощущенія, подобнаго тѣмъ ощущеніямъ; которыя возбуждаетъ въ насъ сама природа, а выше этой похвалы мы никакой не знаемъ».

Книга въ томъ же 1852 г. вышла вторымъ изданіемъ, и въ 1857 г. вышла третьимъ. Въ 1855 г. вышли «Разказы и воспоминанія охотника», потребовавшіе новаго изданія черезъ годъ (1856).

Въ 1856 вышла въ свѣтъ его «Семейная хроника и воспоминанія». Успѣхъ былъ громаднй. Въ нѣсколько мѣсяцевъ изданіе было все распродано. «Дѣтскіе годы Багрова внука» были окончены въ 1857 и вышли въ 1858 г. Этими двумя произведеніями Сергѣй Тимофеевичъ занялъ мѣсто въ первомъ ряду нашихъ прозаиковъ-повѣствователей. Въ 1858 г. вышли

его литературныя и театральныя воспоминанія отдѣльной книгой («Разныя сочиненія»).

«Семейная хроника» является произведеніемъ, какъ бы занимающимъ посредствующее мѣсто между «Канитанской дочкой» и «Войной и миръ». Огромная бытовая картина — хроника ставитъ имя С. Т. Аксакова между Пушкинымъ и Толстымъ. Кисть его, рисуя бытъ, даетъ картину историческую; онъ съ изумительнымъ совершенствомъ выражаетъ эпоху въ преданіяхъ русскаго семейства. Типъ скрытнаго, свирѣпаго и развратнаго Куролесова, типъ Степана Михайловича Багрова, патріарха въ своей семьѣ и въ своемъ помѣстьѣ, передъ волей котораго тренецуютъ всѣ, отъ мала до велика, типъ Софіи Николаевны — истинно русской женщины, наконецъ мужъ ея — Алексѣй Степановичъ Багровъ, окруженные домочадцами, дворней, крестьянами — это цѣлый міръ, цѣлая эпоха русской жизни, возстановленная съ художественной правдой и полнотой.

Вмѣстѣ съ бытомъ, Аксаковъ рисуетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ и реализмомъ русскую природу. Видно, что онъ съ дѣтства жилъ, охваченный ею, долго питался ея крѣпительными ощущеніями, принялъ въ себя мысль и душу ея. Это природный сынъ русской степи, и, когда заговоритъ онъ о ней, возстаютъ чудныя картины передъ читателемъ; вся груда впечатлѣній, накопленныхъ авторомъ долгимъ наблюденіемъ, выходитъ прозрачной, свѣтлой рѣчкой въ его изображеніи, и рѣчка эта катитъ безпрестанно свои чистыя волны, несетъ поминутно новыя подробности, новыя соображенія для картины и увлекаетъ за собой неудержимо сердце и воображеніе читателя. Природа, съ жизнью лѣса и поля, птицъ и звѣрей, уже отразившаяся въ его охотничьихъ очеркахъ; историческія и бытовыя одновременно фигуры, уже испробованныя имъ въ біографіяхъ Шишкова, Загоскина, Шушерина, — теперь все сошлось въ одной безпредѣльной, и вольной, какъ сама степь, картинѣ. Жизнь, преданіе, изустный рассказъ, видимо дали Аксакову только первый, простой очеркъ, которому онъ уже сообщилъ всю полноту жизни, и всю теплоту красокъ. Для этого онъ на каждомъ шагѣ угадываетъ тончайшіе оттѣнки мыслей своего образца, подмѣчаетъ нѣжнѣйшія движенія его сердца, разоблачаетъ глубокія тайны его души, — словомъ, созидаетъ характеръ, какъ настоящій художникъ (Анненковъ). С. Т. Аксаковъ является образцомъ того прямого отношенія къ дѣйствительности, которое одно даетъ истинно художественные результаты.

Слогъ С. Т. Аксаковъ и вообще изложеніе признаны были образцовыми по правильности, чисто русскому складу, народному ритму и музыкальности ихъ. Какой пушкинской простотой и силой отличаются хотя-бы первыя строки его хроники: «Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ царей московскихъ; тѣсно стало ему, не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ не

доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ, — всего находилось въ излишествѣ, а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разномѣстною. Событіе совершилось очень просто и т. д.» Проза Аксакова просится для заучиванія наизусть.

Рядомъ съ произведеніями Аксакова, рисующими мощный бытовѣй, патриархальный укладъ, покажутся уже гораздо мельче «народническія» произведенія 50-хъ годовъ, какъ-то «Рыбаки» (1852) Григоровича; «Титъ Софоновъ», «Крестьянка» — повѣсти Алексѣя Антиповича Потѣхина, земляка А. Н. Островскаго и А. Θ. Писемскаго, выступившаго въ 1851 г. съ очеркомъ «Путь по Волгѣ», напечатанномъ въ «Моск. Вѣд.» (Род. 1-го іюля 1829 года); «Питерщикъ» и «Лѣшій» Писемскаго; наконецъ «Саввушка» Ивана Тимофеевича Кокорева. Всѣ эти произведенія, въ общемъ болѣе или менѣе полныя бытовыхъ чертъ, носятъ на себѣ оттънокъ идиллическаго сентиментализма 50-хъ и 40-хъ годовъ.

Но быть можетъ для насъ всего интереснѣе забытый Кокоревъ, вышедшій изъ народа, изъ бѣдности, работавшій за ничтожный гонораръ въ «Москвитянинѣ» молодой редакціи. До него мы видимъ Кольцова, Никитина — поэтовъ. Кокоревъ являлся предвѣстникомъ плеяды прозаиковъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, выдвинутыхъ изъ сословія «разночинцевъ» въ литературу реформаціоннымъ движеніемъ. Иванъ Тимофеевичъ скончался 14-го іюня 1853 года. Лучшая его вещь, «Саввушка» появилась въ Москвитянинѣ 1852 г. Умеръ онъ 28 лѣтъ, тихо, одиноко, истощенный нуждой, работой, въ Екатерининской больницѣ и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, такъ элегически описанномъ имъ въ «Савушкѣ». Разказы и очерки Кокорева писаны были прекраснымъ языкомъ, художественно выдержаны и представляли вѣрныя картины изъ народнаго быта.

БИБЛИОГРАФІЯ: а) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова. 6 томовъ, изд. Мартынова. Спб. 86 г. Къ 1-му тому прилож. статьи критико-біограф. А. С. Хомякова и М. Н. Лонгинова. — Біографич. матеріалы: Острогорскій. С. Т. Аксаковъ. 1791—1891. Критико-біограф. очеркъ. Спб. 91 г. — Ор. Миллеръ. Русскіе писат. послѣ Гоголя, ч. III. С. Т. А—овъ. Спб. 88 г. — Ю. Самаринъ. Соч., т. I. С. Т. А—овъ и его литер. произведенія. — П. Милуковъ. С. Т. А—овъ. Р. М. 91 г. № 9. — Добролюбовъ. Соч., т. I-й. — В. Майковъ, Гоголь и Аксаковъ. Р. Об. 91 г. № 5. — Библиографія: Венгеровъ. Критико-біограф. словарь, т. I. — Межовъ. С. Т. А—овъ. Указатель книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ его. 1816—1852 г. Спб. 1888 г. — б) И. Т. Кокоревъ. Очерки и разказы. 3 т. М. 58 г. — О немъ у Ап. Григорьева. Соч., т. I. Взглядъ на русск. литературу въ 1852 г. — Добролюбовъ. Соч., т. II. Разказы К—ва.

§ 2. Въ 50-хъ годахъ появилось еще три крупныхъ произведенія, доказывавшихъ необыкновенно высокую степень развитія, на которую уже

Въ 1874 г., состоялось правительственное рѣшеніе, на основаніи котораго «Сиб. Вѣдомости» Валентина Корша, отнимались отъ академіи наукъ и отдавались въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, съ цѣлью составить новую редакцію. Послѣдняя образовалась изъ Баймакова, хозяина банкирской конторы, графа Салиаса и Болеслава Маркевича. Съ тѣхъ поръ газета захудала.

«Голосъ» лишился единственнаго конкурента, а всѣ подписчики «Сиб. Вѣд.» Корша перешли «Голосу». «Почти всѣ сановники въ то время считали «Голосъ», оракуломъ, и подчиняли его образу мыслей по каждому государственному вопросу свой образъ мыслей—до такой степени рабски, что подчасъ нельзя было разобратъся, гдѣ кончается Краевскій и начинается правительство. Всѣ правительственныя учрежденія, начиная съ Государственнаго Совѣта, доставляли «Голосу» сотрудниковъ, по текущимъ свѣдѣніямъ и государственнымъ вопросамъ»²³¹).

Въ томъ-же 1874 году, по случаю самарскаго голода, вышелъ Сборникъ «Складчина», соединившій всѣхъ литераторовъ, безъ различія лагерей. Въ немъ явились: В. П. Безобразовъ, М. Богдановичъ, кн. П. Вяземскій, Н. Гербель, П. Гончаровъ, А. Градовскій, Я. Гротъ, П. Горбуновъ, Ѳ. М. Достоевскій, П. Ефремовъ, В. Коршъ, Н. Кохановская, А. Краевскій, Н. Курочкинъ, Н. Лѣсковъ, А. Майковъ, Б. Маркевичъ, кн. В. Мещерскій, Н. Михайловскій, Н. Некрасовъ, А. Никитенко, А. Островскій, К. Побѣдоносцевъ, А. Плещеевъ, М. Погодинъ, Я. Полонскій, Погодскій, М. Салтыковъ-Щедринъ, гр. В. Соллогубъ, М. Стасюлевичъ, Н. Страховъ, А. Суворинъ, гр. А. Толстой, П. Тургеневъ и Т. Филиновъ.

§ 14. Семидесятые годы—эпоха, когда наши славянофилы въ лицѣ пламеннаго публициста и благороднѣйшаго патріота Ивана Сергѣевича Аксакова съиграли великую политическую роль. Мы говоримъ о борьбѣ славянъ за свою независимость и о русско-турецкой войнѣ. Порывъ, объявшій общество и весь русскій народъ, былъ просвѣтленъ въ общественномъ сознаніи работою мысли именно славянофиловъ.

Это совершенно понятно, потому что одни славянофилы были подготовлены къ великому историческому моменту и могли его понять и растолковать.

Еще въ 1861 году, въ передовой «Дня» Ив. Серг. Аксаковъ говоритъ: «Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы Славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго, и пожалуй, политическаго бытія, подъ сѣнію могущественныхъ крылъ Русскаго орла—вотъ историческое призваніе, нравственное право и обязанность Россіи»²³²).

²³¹) Кн. Вл. Мещерскій. Воспоминанія. Ч. II. Стр. 248.

²³²) Соч. И. С. Аксакова. Томъ первый. М. 1886. Стр. 6.

«Общество наше, — продолжает Аксаковъ, — ему извиненія нѣтъ; объяснить же его равнодушіе къ Славянамъ очень легко. Это симптомъ того-же общаго недуга, который давно разлагаетъ мало-по-малу все наше общественное тѣло. Не можетъ быть сочувствія къ славянской народности тамъ, гдѣ есть отчужденіе отъ своей собственной народности, явное къ ней равнодушіе и полный разрывъ со всеми историческими преданіями своего племени».

Конечно, объясненіе Аксакова не совсѣмъ вѣрно. Русское чувство, правда, порою затмевалось въ русскомъ, особенно петербургскомъ обществѣ. Оно было вытравлено у большинства сановниковъ царствованія Александра II, какъ напр. у Горчакова. Но оно ярко вспыхивало въ роковыя минуты, какъ напр. Севастополя, польскаго Повстанья и др. Въ 1861 году общество ничѣмъ не могло интересоваться, кромѣ крестьянской реформы. Время славянъ не приспѣло. Аксаковъ въ 1862 г. указываетъ, что «имя Гарибальди вполне народно между Славянами въ Турціи, и въ особенности теперь въ Сербіи, Черногоріи и Герцеговинѣ». Столь-же популярно было имя великаго борца за свободу италіянскаго народа и въ Россіи... «Преданность идеѣ, чистота, безкорыстіе, — продолжаетъ Аксаковъ, — готовность къ самопожертвованію въ Гарибальди — поднимали нравственный уровень нашего современнаго общества. Любовь къ отчизнѣ и народности, достойная всякаго уваженія сама по себѣ, никогда не оправдываетъ средствъ безнравственныхъ; она требуетъ чистыхъ дѣятелей, и значеніе Гарибальди состоитъ не въ его храбрости и геройствѣ, не въ его военномъ талантѣ и патриотизмѣ, — а именно въ его нравственныхъ качествахъ, въ его личной духовной доблести».

Но въ нужную минуту, то самое русское общество, которое въ оскудѣніи національнаго самосознанія обвинялъ Аксаковъ, дало Черняева — народнаго героя въ духѣ Гарибальди.

Съ необычайною прозорливостью Аксаковъ еще въ 1862 г. ожидалъ наступленія великаго историческаго момента и восклицалъ: «Горе той политической мудрости, которая опрометчиво попираетъ нравственные требованія народа, которая не сумѣетъ уловить историческую минуту, когда самое дерзкое безотчетное чаяніе способно обратиться въ дѣйствительность, мечтательное — сдѣлаться неотложною необходимостью, казавшееся несбыточнымъ — стать жизненною правдою!» Отъ 5-го марта 1867 года въ газетѣ «Москва» И. С. Аксаковъ писалъ: «Неотразимая сила историческаго призванія Россіи, какъ православной и славянской державы — призванія, безъ котораго Россія не была-бы Россіей, — ощутительно и воочію, съ вѣдома ея и безъ вѣдома, волей и неволей, направляетъ и исправляетъ ея пути, возмѣщаетъ утраты, разрушаетъ враждебныя козни, и сквозь всѣ невзгоды и препятствія неуклонно ведетъ ее на высоту такого подвига, для

котораго, повидимому, нѣтъ у нея ни вещественныхъ средствъ, ни могучихъ нравственныхъ двигателей— властолюбія, гордости, дерзкой самоувѣренности. Она терпитъ пораженіе— и побѣжденной сильнѣе прежняго пугаются побѣдители; она унижается— и растетъ въ грозномъ величіи и обаяніи; она разорена— ее нуще боятся; она уменьшаетъ войско— всѣмъ это вѣдомо и всѣмъ чудятся несмѣтныя полчища; она мыслить идти назадъ и обрѣтается впереди; она блуждаетъ— и чья-то невѣдомая рука выводитъ ее на стезю правую; самое то, что творитъ она по малодушію и по слабости,— ея недругами приписывается разсчету, мысли и силѣ».

«Въ томъ-то и дѣло, что сила ея историческаго призванія слышится и чувствуется отчасти даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами, всѣми западноевропейскими державами, хотя можетъ быть менѣе всего сознается самою Россіею,— и эта нравственная сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или вѣрнѣе сказать,— въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія. Событія, будто волны на свои хребты, возносятъ ее на высоту, съ которыхъ шире всѣхъ объемлется ею историческій кругозоръ, и съ которой, какъ выражаются стратегики, можетъ она господствовать надъ политическимъ положеніемъ. Да, Россія занимаетъ господствующую позицію относительно Востока, позицію, которой она не искала, но которая ей неотъемлема по самой сущности дѣла, по всеобщему тайному и явному признанію»²³³).

Прошло десять лѣтъ, и пророческое слово великаго патріота сбылось.

Пламенные рѣчи Ивана Сергѣевича Аксакова въ засѣданіяхъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ 1876, 1877 и 1878 гг., его знаменитое воззваніе сыграли такую-же роль въ войну за славянскую независимость и Русско-Турецкую, какъ манифесты Шишкова въ 1812 году.

«То, что творилось въ Россіи— говорилъ Аксаковъ 24-го октября 1876 года,— въ эти послѣдніе мѣсяцы,— неслыхано и не видано не только въ русской, но и въ ничьей исторіи. Общество,— точнѣе самъ народъ, помимо своего правительства, безусловно вѣрнаго дипломатическимъ обязательствамъ,— безъ всякой помощи государственной организаціи, ведетъ войну въ лицѣ нѣсколькихъ тысячъ своихъ сыновъ (сыновъ, а не наемниковъ), на свои частныя средства, въ странѣ, хотя и родственной, но чужедальной, доселѣ ему почти неизвѣстной,— не изъ корысти, не за свои прямыя, практическіе, матеріальные интересы, а за интересы, повидимому ему чуждые и отвлеченные. Ведетъ не прятась, не потаенно, а среди бѣла дня, съ полнымъ сознаниемъ законности, правоты, святости,— скажу болѣе, естественности своихъ дѣйствій». «Наше народное движеніе изумило не одну Европу, но и русское общество, т. е. образованный мыслящій слой Россіи,

²³³) Соч. т. 1-й. Стр. 143.

именно тѣмъ самымъ, что оно было народное, не въ риторическомъ, а въ точномъ смыслѣ этого слова... Десятки лѣтъ раздавалась проповѣдь такъ называемыхъ славянофиловъ и была, казалось, лишь гласомъ вопіющаго въ пустынь; двадцать два года назадъ Крымская война, возникшая такъ-же изъ за Восточнаго или вѣрнѣе Славянскаго вопроса, вызвавъ могучій взрывъ «патріотизма», не пробудила однако-же историческаго самосознанія въ тѣхъ народныхъ слояхъ, гдѣ сидятъ самые корни русской силы, духовной и внѣшней... Когда... на почву возбужденнаго народнаго сочувствія пала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершился первый подвигъ любви и принеслась первая, чистая жертва во имя Россіи, отъ Русскаго, за вѣру и братьевъ, тогда дрогнула совѣсть всей русской земли, и какимъ-то откровеніемъ сердца—народъ разомъ усвоилъ себѣ, не мудрствуя лукаво, весь міръ истинно—славянскаго т. е. православнаго братства. Онъ какъ-то разомъ перешагнулъ чрезъ всѣ географическія и инныя научныя трудности, да и ступилъ какъ ни въ чемъ не бывало, на путь своего историческаго призванія, который, казалось, такъ мудро было ему втолковать безъ специальныхъ учебниковъ»²³⁴).

Шестое «Письмо изъ деревни» А. Н. Энгельгардта, посвященное наблюденіямъ надъ народной массой въ эпоху русско-турецкой войны, въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ эти слова И. С. Аксакова:

«Зная, сколь невѣжественны крестьяне, зная, что они не обладаютъ даже самыми элементарными географическими, историческими, политическими познаніями, зная, что крестьяне 11-го мая празднуютъ и молятся Царю—Граду, чтобы градъ не отбилъ поля, зная, что не всякій пошъ объяснить, что это за «Обновленіе Цареграда», о которомъ прописано въ календарѣ подъ 11-е мая, зная, что и дьячокъ, распѣвающій за молебномъ «аллилуя» и «радуйся», то-же убѣжденъ, что молятся Царю—Граду и усердно кладетъ поклоны, чтобы и его рожь не отбило градомъ,—право, не можешь себѣ представить, чтобы у этихъ людей могли быть какія-нибудь представленія о совершающихся политическихъ событіяхъ».

«Казалось бы, можно-ли интересоваться тѣмъ, чего не знаешь, можно-ли сочувствовать войнѣ, понимать ея значеніе, когда не знаешь, что такое Царьградъ?»

«А между тѣмъ, неся всѣ тяжести войны, которыхъ не можетъ не чувствовать мужикъ, слыша всюду толки о побѣдахъ, о пораженіяхъ, находясь, посредствомъ писемъ, въ тѣсной связи съ сражающимися подъ Плевной, Карсомъ, своими дѣтьми и братьями, можетъ-ли мужикъ оставаться равнодушнымъ ко всему этому? Его неподвижность, безучастіе мы принимаемъ за равнодушіе къ дѣлу... Но не кажущееся-ли это равнодушіе?»

²³⁴) Соч. т. I. Стр. 218, 219, 222.

«Подумайте! Возможно-ли, чтобы эта неподвижная, сѣрая масса не имѣла никакихъ представленій о томъ, что такъ близко касается его непосредственныхъ интересовъ? Возможно-ли, чтобы все дѣлалось такъ какъ дѣлается, если-бы не было сочувствія къ дѣлу, или, лучше сказать, сознанія необходимости сдѣлать что-то?»²³⁵).

Надо принять во вниманіе, что это «Письмо» находилось въ полномъ противорѣчій съ мнѣніемъ самихъ «Отеч. Зап.» на войну. Этотъ журналъ, какъ и «Голосъ», высказывались противъ войны. Поняло минуту изъ газетъ «Новое Время», которое съ 29-го февраля 1876 года перешло подъ редакцію А. С. Суворина. Это создало колоссальный успѣхъ газетѣ, которая въ слѣдующее десятилѣтіе, послѣ запрещенія «Голоса» гр. Дм. Толстымъ, становится во главѣ петербургской прессы.

Въ рѣчи отъ 6-го марта 1877 года, И. С. Аксаковъ восторженно говорить о томъ, какъ 20-го октября 1876 г. въ Кремлѣ, среди святыни и древности московской, Русскій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами и держалъ къ нему рѣчь, на вѣки вѣрзавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя лѣтомъ 1876 года его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры. Затѣмъ Аксаковъ громить ту малодушную реакцію, которая встрѣтила Александра II по возвращеніи въ Петербургъ, когда стали говорить, что народное сочувствіе славянамъ—миѣ, выдумка; что все это «движеніе» не болѣе, какъ штука Славянскаго комитета, который-бы, кстати, слѣдовало совсѣмъ запретить, стереть, уничтожить; что комитетъ набралъ всякое отребье, да и отправилъ добровольцами въ Сербію и т. д.

«Это уже не самообличеніе,—воскликаетъ Аксаковъ,—а какое то добровольное самозаушеніе или самооплеваніе, доходящее до сладострастія, до безстыдства! Затаптывать въ грязь тотъ порывъ народнаго чувства, которымъ освятилась и обновилась Русская земля, то явленіе, въ которомъ одномъ въ наше печальное время мы почерпаемъ упованіе и вѣру въ себя самихъ, клеветать на Россію, на комитетъ, на славянъ—забывать про тѣ милліоны, составившіеся въ буквальномъ смыслѣ изъ лептъ простонародныхъ—этого нельзя объяснить только умственной ограниченностью и невѣжествомъ—тутъ уже немоощь и растлѣніе духа»²³⁶).

Аксаковъ восторженно заявляетъ, что война съ Турками дѣло не только чести, но и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ на брань на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли. Эта война ея духу по-

²³⁵) Письма изъ деревни. Изд. 3-е. 1897 г. Стр. 315 и 316.

²³⁶) Соч. т. I. Стр. 242.

требна; эта война за вѣру Христову; эта война за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ славянскихъ братій; эта война праведная; эта война подвигъ, святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь... Надъ всѣмъ, накопленнымъ войною, хламомъ разнорѣчивыхъ толковъ, сплетень, интригъ, клеветъ, пререканій, въ безспорномъ величій воздвигается лишь свѣтлый образъ русскаго солдата—съ его добродушіемъ и простотою, съ несокрушимою мощью вѣрующаго, смиреннаго духа. Онъ препообдиль всѣ пристрастія, всѣ предубѣжденія завистниковъ, и Европейскій міръ съ почтеніемъ преклонился предъ его воинскою твердостью и человѣческимъ сердечнымъ незлобіемъ.

Но, Боже, какой Іереміинъ плачъ поднимаетъ великій патриотъ послѣ подвиговъ русской дипломатіи, провалившей всѣ успѣхи нашего оружія и постыдно принявшей «разграниченіе сферъ вліянія» Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ! «Напрасный мученикъ, одураченный побѣдитель, полюбуйся на свое дѣло!..»²³⁷).

§ 15. Націонализмъ «Русскаго Вѣстника», народничество «Отечественныхъ Записокъ», западничество съ признаніемъ народности «Вѣстника Европы», славянофильство И. С. Аксакова, дополняется въ необыкновенно богатые идейнымъ содержаніемъ семидесятые годы еще оригинальнымъ міросозерцаніемъ Ф. М. Достоевскаго, которое онъ выразилъ, какъ въ идейныхъ страницахъ своихъ гениальныхъ романовъ, такъ и въ многочисленныхъ публицистическихъ статьяхъ и «Дневникѣ писателя» въ 1873, 1876 и 1877 гг.

Въ основѣ этого міросозерцанія лежитъ жажда широкаго, всемірно-праваго идеала и общеніе съ народной массой.

«Я неисправимый идеалистъ;— говоритъ Достоевскій,— я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь». Достоевскій, однако, хорошо понимаетъ, какъ мало этого идеализма въ «злаченной черни» русскаго общества: «Въ нашъ вѣкъ негодяй, опровергающій благороднаго, всегда сильнѣе, ибо имѣетъ видъ достоинства, почерпаемаго въ здоровомъ смыслѣ, а благородный, походя на идеалиста, имѣетъ видъ шута...»

«Мы, Петрашевцы, — такъ объясняетъ Достоевскій свое перерожденіе, — стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія... Это дѣло давно-прошедшее, а потому, можетъ быть, и возможенъ будетъ вопросъ: неужели это упорство и нераскаяніе было только дѣломъ дурной натуры, дѣломъ недоразвитковъ и буяновъ? Нѣтъ, мы не были буянами, даже, можетъ быть, не были дурными молодыми людьми. Приговоръ

²³⁷) Соч. т. I. Стр. 305.

она гениальна. Но боюсь, боюсь искренно, — не въ первыхъ-ли «нощыхъ» увлеченія произнесено было это!».

Достоевскій далѣе пророчить, что «скажутъ» на рѣчь его въ Петербургѣ, и если вожаки не скажутъ, «зато масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцевъ, масса-то нашего западничества, середина-то, улица-то, по которой влачится идея, — всѣ эти смерды-то «направленія» (а ихъ какъ песку морского), о, тамъ непременно наскажутъ»...

Пушкинскіе дни являются какъ-бы улыбкой жестокой фортуны русской литературѣ. Точно предъ тѣмъ страшнымъ событіемъ, которое уже стояло за порогомъ исторіи, дано было русскому сердцу и уму четыре дня свѣтлыхъ ликованій на праздникъ музъ, мирномъ, прекрасномъ, гдѣ собрались гениальные русскіе поэты, прозаики и вакхически пѣль романтикъ Полонскій:

Пушкинъ—это возрожденье
Русской музы—воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;
Это—не запечатлѣнный
Ключъ поэзіи священный
Для поклонника искусствъ.

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей...
Это—сѣятель пустынный...
Другъ свободы,—неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней...

Поэтическій Мессія
На Руси,—онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы поэта славимъ
И на пьедесталъ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ...

§ 2. За порогомъ стояло первое марта...

«Царь убить!.. Русскій царь, у себя въ Россіи, въ своей столицѣ, звѣрски, варварски, на глазахъ у всѣхъ — русскою же рукою... Тамъ, въ царскихъ чертогахъ, одѣянный царскою порфирой, лежитъ теперь, простертъ для послѣдняго лобызанія и поклоненія, искалѣченный, изувѣченный трущъ твоего Вождя, Русская земля, твоего Главы и Освободителя, русскій народъ, сокрушившаго твое рабство!.. Позоръ, позоръ нашей странѣ!»

Такъ писалъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ 4-го марта 1881 года въ «Руси».

«Что такое случилось, что подѣялось съ нашею землею? Небывалое, неслыханное творится на Святой Руси! Кто тѣ, что смѣютъ пятнать грѣхомъ

и преступленіемъ наше историческое бытіе, класть позоръ и срамъ на наши головы? Посягательство на царя—это посягательство на самый народъ,—это насиліе надъ народною волею и свободою».

«Не просто—царь умеръ и мѣсто его заступилъ царь новый. Это цѣлая историческая эпоха отходить, это новая эпоха настааетъ! Конецъ одной, начало другой опредѣлены рѣзкими гранями, торжественно засвидѣтельствованы, такъ что самая смѣна эпохъ совершается воочію, такъ сказать, осязательно, съ общаго вѣдома и сознанія современниковъ».

(«Русь», 7-го марта 1881 г.).

«Смерть царя явленіе не случайное. Это нашъ общій грѣхъ. Всѣ мы повинны въ ней, во сколько повинны въ растлѣніи общества чрезъ воспитаніе нашего юношества, чрезъ созиданіе общественнаго духа и мнѣнія. Очнемся ли наконецъ?»

«Нужно проявленіе твердой, строгой, грозной, энергичной, умной власти».

«Въ настоящую минуту испытанія своихъ историческихъ судебъ, о чемъ въ особенности молить своего царя Россія, чтобъ высоко, честно и грозно было вознесено царское имя на страхъ злодѣямъ русской земли».

Въ то же время, оставаясь вѣрнымъ идеямъ славянофильства, Аксаковъ говорилъ: «Да, въ Москву, въ Москву призываетъ теперь своего царя вся Россія... Пора домой! Пора покончить съ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, со всѣми кровавыми преданіями переворотовъ, измѣнъ, крамоль XVIII и XIX вѣка! Пора наконецъ средоточію государственной власти перемѣститься съ крайней окраины государства въ историческое средоточіе русской земли,—то средоточіе, которое создало самую власть, дало ей историческое бытіе, оправданіе и освященіе...» («Русь», 10-го марта 1881 г.).

Когда наконецъ 15-го мая 1884 года совершилось коронованіе императора Александра III, великій патріотъ восклицалъ:

«Нуженъ царскій починъ Русской землѣ».

«Все возможно царю Русскому въ единствѣ духа съ своею землею!»

Трудно въ немногихъ словахъ опредѣлить колоссальное значеніе кроваваго злодѣянія перваго марта. Непосредственнымъ его результатомъ было то, что революція сама себѣ снесла голову. Долго еще ждали безумцы, что нѣчто подвигнется со своихъ основъ. Преступники 1-го марта на судѣ сохранили увѣренность, что какой-то «народъ» имъ сочувствуетъ, ихъ защищаетъ... Затѣмъ общество содрогнулось, онамятовалось. Катковъ восклицалъ: «Встаньте, господа, правительство возвращается».

Аксаковъ умеръ въ 1886 г. Катковъ — въ 1887 г. Такимъ образомъ эти двѣ публицистическія силы только встрѣтили новое царствованіе. Въ 1884 г. «Отечественныя Записки» были запрещены. Салтыковъ сталъ писать въ «Вѣстникъ Европы». Въ 1889 году его не стало. Сатира его утра-

тила свой смыслъ послѣ рокового дня. Этотъ смѣхъ, «неистоцимой клеветою» прожигавшій всю русскую жизнь, отжилъ свое. Сатирикъ самъ это чувствовалъ и высказывалъ.

«Конецъ жизненнаго пути приближается... Онъ уже явственно мелькаетъ впереди, подобно тому, какъ передъ глазами путника, вышедшаго изъ лѣсной чащи, мелькаетъ сквозь рѣдколѣсье деревенское кладбище, охваченное рѣяньемъ смерти».

«Имярекъ умираетъ».

«Имярекъ» держался особой теоріи. Сущность этой теоріи заключалась въ томъ, чтобы практиковать либерализмъ въ самомъ капищѣ анти-либерализма. Съ этою цѣлью предполагалось намѣтить покладистое вліятельное лицо, прикинуться сочувствующимъ его предначертаніямъ и начинаніямъ, сообщить послѣднимъ легкой либеральный отгѣнокъ, какъ бы исходящій изъ нѣдръ начальства (всякій мало-мальски учтивый начальникъ не прочь отъ либерализма), и затѣмъ, взявъ облюбованный субъектъ за носъ, водить его за оный... Эпоха возрожденія была довольно продолжительна, но она шла такъ неровно, что трудно было формулировать сколько-нибудь опредѣленно сущность ея. Возрожденіе — и рядомъ несомнѣнные шаги въ сторону и назадъ. Движеніе — и рядомъ застой. Надежды — и рядомъ отсутствіе всякихъ перспективъ. Но, не уступая соблазнамъ, Имярекъ остался вѣренъ возрожденію, движенію и надеждамъ. И вотъ теперь сзади у него повисъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди — ничего, кромѣ одиночества и брошенности...»

Еще опредѣленнѣе высказывается Щедринъ послѣ «внезапнаго» запрещенія «Отеч. Записокъ» въ «Пестрыхъ письмахъ» (1884—1886): «Внезапность не составляетъ для меня новости. Я родился на лонѣ ея, воспитывался подъ ея сѣнью и до такой степени съ ней освоился, что даже никогда не спрашивалъ себя, ушибетъ она меня или помилуетъ. Но я долженъ сказать, что до послѣдняго времени внезапность имѣла несовершенный, переходный характеръ, и это въ значительной мѣрѣ помогало уживаться съ нею. Внезапностей было много, и онѣ постоянно другъ друга побивали. Нелегко было ориентироваться въ этомъ разнообразіи смѣняющихся внезапностей, но при извѣстномъ навыкѣ все-таки можно было нѣчто угадать. Это называлось: «Ловить моментъ!» Поймалъ моментъ — пользуйся! Не поймалъ — пеняй на себя! Игра была не весьма нравственная, но настолько замысловатая, что могла заинтересовать. Нынѣ эта переходная форма, очевидно, исчерпала все свое содержаніе. Внезапность окончательно отказалась отъ экскурсій въ сферу случайныхъ вѣяній, которыя своею противорѣчивостью подрывали ее; она сдѣлалась единою, неизмѣнною, сама себѣ довлѣющею. «Моменты» упразднены; ловить больше нечего».

Эта единая, неизмѣнная «внезапность», которая упряднила всѣ прочіе и стала недвижно надъ русскимъ обществомъ, было роковое первое марта. Оно опредѣлило «новый курсъ». Страна, точно послѣ тряской и бѣшеной скачки по ухабамъ грянувшая въ стѣну грудью тройка, пала на колѣни разбитая, ошеломленная. Покоя—вотъ чего жаждало общество.

§ 3. Въ области отвлеченной мысли особенно характернымъ для восьмидесятыхъ годовъ является выдающійся успѣхъ книги Данилевскаго «Россія и Европа».

Николай Яковлевичъ Данилевскій родился 28 ноября 1822 г. въ Орловской губерніи. Кончивши курсъ лица въ 1842 г., онъ четыре года (1843—1847) пробылъ вольнымъ слушателемъ естественнаго факультета въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1849 г. получилъ степень магистра ботаники, а лѣтомъ былъ неожиданно арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Его привлекли по дѣлу Петрашевскаго. Заключение продолжалось сто дней. Въ большой запискѣ онъ ясно и полно изложилъ систему Фурье, въ проповѣдованіи которой его обвиняли; оказывалось несомнѣнно, что она не содержитъ въ себѣ ничего революціоннаго и противурелигіознаго, а есть ученіе чисто экономическое.

Данилевскій былъ высланъ въ Вологду. Затѣмъ онъ долго служилъ и занимался изученіемъ положенія нашихъ рыбьихъ промысловъ. Умеръ 7 ноября 1885 г. Главныя его сочиненія: «Дарвинизмъ» (опроверженіе теоріи Дарвина) и «Россія и Европа». Последнее сочиненіе явилось въ 1869 году въ «Зарѣ» Кашперева. Ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ, кромѣ «Зари», не рѣшился-бы напечатать сочиненіе, написанное въ такомъ духѣ. Отдѣльное изданіе (1871 г.) расходилось въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Наибольшій ходъ книга имѣла въ разгаръ турецкой войны, когда многіе искали въ ней уясненія отношенія Россіи къ Славянамъ и къ Европѣ. Книга всплыла, благодаря новому духу и стараніямъ единомышленника ея автора, Н. Н. Страхова въ 80-е годы. Изданіе 1888 г. разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1889 г. вышло уже новое...

А между тѣмъ нынѣ прямо неловко становится, когда читаешь эту, переполненную парадоксами книгу. Желаніе успокоиться, замкнуться, погрузиться въ самихъ себя и въ свою боль, было естественно въ то десятилѣтіе. Въ наши дни мы не имѣемъ нужды въ наркотикахъ, въ анестезіи чувствъ.

«Самопожертвованіе есть высшій нравственный законъ. Но единственное основаніе для самопожертвованія есть безсмертіе. Но государство и народъ суть явленія преходящія. Поэтому, око за око, зубъ за зубъ, строгое право, Бентамовскій принципъ утилитарности, то есть здраваго понятія